Митрополит Иларион: "Мы должны бояться не сильного ислама, а слабого христианства"

*Накануне Архиерейского собора председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия митрополит Волоколамский Иларион дал интервью газете **"Известия"**. Владыка рассказал о том, почему для Церкви так важна подлинность екатеринбургских останков, зачем студентам светских вузов нужна теология и каким образом Русская Православная Церковь предлагает возвращать христиан в Сирию.*

— В последние годы общественная роль Русской Православной Церкви усиливается, но всё же изначальная задача Церкви — в первую очередь спасение души, а не тела. Где грань между внешним и внутренним, не движется ли Русская Православная Церковь к обмирщению? А возможно, это как раз и есть правильный путь?

— Христос создавал Церковь не для домашнего употребления. Сегодня существует представление, которое навязывается иногда людям, что религия — это сугубо частное дело каждого конкретного человека. Религия приравнивается к увлечениям, хобби: вы можете любить кататься на лыжах, играть в шахматы, слушать классическую музыку, а можете в церковь ходить, свечки ставить, молебны заказывать. Но Церковь не воспринимает себя ни как бюро ритуальных услуг, ни как институцию, которая должна с людьми взаимодействовать только на частном уровне. Церковь присутствует не только в частной жизни людей, но и в общественной.

В России Церковь объединяет миллионы людей и в значительной степени является их голосом. Мы считаем, что наше общество вправе слышать позицию Церкви по вопросам, по которым она считает справедливым высказаться.

И я не думаю, что мы можем каким-то образом душу от тела отделить. Вы как живой человек не отделяете свою душу от своего тела. Если у вас что-то болит, то плохо не вашему телу, а вам: болит тело, а страдают и тело, и душа. В то же время есть очень много душевных переживаний, которые самым прямым образом сказываются на теле человека. Когда у человека на душе неспокойно, он заболевает. Разделение между душой и телом достаточно искусственное. Христианство является не только идеалистической, но и материалистической религией в том смысле, что материя очень тесно вплетена в Божественный план спасения людей.

Естественно, что Церковь заботится прежде всего о душе человека. Церковь не может на себя

взять те функции по обеспечению материального состояния граждан, которые должно нести государство. Но в то же время она не может и не должна полностью устраняться от решения этих проблем, хотя бы потому, что в Церкви есть много нуждающихся. При очень многих приходах существует система взаимопомощи, приходы помогают малоимущим и многодетным семьям, одиноким матерям с детьми, инвалидам, престарелым. Спасение души неотделимо от заботы о теле.

— Мы сейчас наблюдаем определенную дехристианизацию Европы и усиление радикального ислама. Как вы относитесь к идее объединения христианского мира, насколько это возможно и необходимо?

— Невозможно говорить о каком-либо административном объединение или слиянии существующих христианских конфессий, будь то православные и католики или православные, католики и протестанты. Такой вопрос вообще на повестке дня не стоит. Но вполне возможно находить точки соприкосновения в вопросах, по которым у нас общая позиция.

В прошлом году Патриарх встречался с Папой Римским, было подписано совместное заявление. В нем нашли отражение пункты, по которым у Русской Православной Церкви и Римско-Католической Церкви позиции совпадают. Как оказалось, этих пунктов довольно много. Это не только положение христиан на Ближнем Востоке, но и защита семейных ценностей, и дехристианизация европейского общества, и много других тем.

Патриарх на днях встретился с архиепископом Кентерберийским. У нас очень большие разногласия с Англиканской церковью по целому ряду вопросов, касающихся прежде всего нравственности. И мы напоминаем о том, что Церковь не должна приспосабливаться к так называемому современному пониманию семьи, согласно которому семья — это необязательно союз мужчины и женщины, имеются альтернативные формы сожительства, заслуживающие церковного благословения. Официальное учение Англиканской церкви о браке остается в русле христианской нравственной традиции, но всё слышнее голоса, призывающие к его пересмотру в духе современной политкорректности и «инклюзивности». Несмотря на разногласия, с Англиканской церковью у нас есть и точки соприкосновения. В частности, мы близки в понимании положения христиан на Ближнем Востоке. Чтобы облегчить их трагическое положение, чтобы помочь христианам вернуться в места, из которых они были изгнаны, необходимы усилия всех христианских конфессий.

Относительно усиления ислама мне часто вспоминается высказывание моего ватиканского коллеги кардинала Коха, сделанное, когда он еще был епископом в Швейцарии. Он сказал, что мы должны бояться не сильного ислама, а слабого христианства. Я думаю, что это очень правильный

подход. Когда христианство превращается лишь в традицию, это уже христианство не реальное, а номинальное. И такое номинальное христианство не сможет противостоять никаким серьезным вызовам.

— Но даже если все номинальные христиане станут истинными, как это остановит террориста с бомбой?

— Терроризм — это проблема, которую невозможно решить только путем ликвидации террористов. Есть террористы, с которыми диалог невозможен и единственный способ минимизировать наносимый ими вред — это их уничтожать, что и происходит сейчас в Сирии. Но одна из очень важнейших задач — профилактика терроризма. Мы должны добиться, чтобы террористическая идеология не размножалась, чтобы террористы не воспроизводились, чтобы на место ликвидированных не приходили новые. Для этого важно работать с молодежью, преодолевать безграмотность в религиозных вопросах, которая, к сожалению, существует и в российском, и в европейском обществе.

— Русская Православная Церковь сотрудничает в этом вопросе с мусульманами?

— Буквально перед вашим приходом у меня был президент Бóлгарской исламской академии. Это новое учебное заведение, которое пока что находится в процессе становления. Оно создано в том числе для того, чтобы российские мусульманские богословы получали образование не в Египте или Саудовской Аравии, а у нас. Как мы создаем систему православного духовного образования, так и мусульмане создают свою систему. А систему преподавания теологии в светских учебных заведениях мы создаем вместе, чтобы молодежь могла у нас, а не где-то за рубежом получать все необходимые сведения о религиозных традициях. Проект введения теологии в светское образовательное пространство, который вызывает определенную критику со стороны либерально настроенного сегмента нашего общества, с самого начала имел межрелигиозную основу. Он ведется под эгидой Межрелигиозного совета России. Наши традиционные конфессии в равной степени заинтересованы в том, чтобы у нас было качественное отечественное теологическое образование, как по христианскому, так по исламскому и иудейскому направлениям.

— Сейчас кафедры теологии есть в 51 вузе страны. Вы считаете, что этот список нужно расширять. Но зачем эти знания обычным светским студентам?

– Именно затем, чтобы, если придет какой-нибудь негодяй и начнет говорить молодому человеку или девушке: «Аллах призывает тебя идти в террористическую организацию и убивать людей, потому что так учит пророк Магомет и это учение Корана», — чтобы эти молодые люди дали такому проповеднику насилия от ворот поворот. Террористы ведь именно так вербуют людей:

пользуются их безграмотностью в религиозных вопросах и внушают, что деяния, которые они будут совершать в террористических организациях, угодны Аллаху. Думаю, что любой человек, который укоренен в традиционном исламе, найдет что ответить таким пропагандистам терроризма.

— Есть ли образовательный стандарт по предмету «Теология»?

— Да. Образовательный стандарт «Теология» принят на государственном уровне. Мы сейчас ведем работу по приведению к единому образовательному стандарту всей системы духовного образования в Русской Православной Церкви. Этот стандарт касается уровня бакалавриата. На уровне магистратуры и аспирантуры единого стандарта у нас пока нет.

Параллельно идут два процесса. С одной стороны, наши конфессиональные учебные заведения получают государственную аккредитацию. Это значит, что они приводятся в соответствие со всеми государственными нормами, предъявляемыми к вузам. С другой стороны, в светском образовательном пространстве создается научная область теологии, которая позволяет людям, приобретающим самые разные профессиональные навыки, знакомиться с религиозными традициями и получать о них сведения из компетентных источников.

— По итогам генетической экспертизы скелета, найденного в Екатеринбурге, его ДНК совпала с ДНК останков Александра III — отца Николая Романова. Признает ли после этого Русская Православная Церковь подлинность екатеринбургских останков? Когда это произойдет?

— Церковь признает екатеринбургские останки подлинными останками Царской семьи, если будут найдены исчерпывающие доказательства их подлинности. Экспертизы, которые прошли и ведутся сейчас, на мой взгляд, приближают нас к этому дню. Думаю, это произойдет в обозримом будущем, но предугадывать результат не следует.

— Обозримое будущее — это 2017 год или следующий?

— Скорее следующий, чем этот. Но на Архиерейском соборе уже запланирована дискуссия по данному вопросу. Церковь ведь не случайно проявляла в этом вопросе осторожность. Первоначальные экспертизы были проведены, во-первых, очень поспешно, во-вторых, Церковь туда вообще не допустили, хотя она с самого начала говорила: «Чтобы результаты были признаны, необходимо наше участие».

— Почему это участие было так важно?

— Церковь всегда говорила, что мы должны получить убедительные доказательства подлинности, поскольку для нас это мощи — мы канонизировали всю Царскую семью. Речь идет о подлинности останков, которые будут почитаться как святые мощи. Поэтому Церковь настаивала на том, чтобы быть допущенной к этим экспертизам. Сейчас она допущена в качестве наблюдателя.

— Как это технически происходит? Представители Церкви сидят в лаборатории?

— Об этом лучше расскажут те, кто в этом участвует, но способы, чтобы представители Церкви могли убедиться в чистоте эксперимента, есть. И это требование сейчас соблюдаются. Именно поэтому я думаю, что решение Церкви по данному вопросу не за горами.

— Если использовать светскую терминологию, вы — министр иностранных дел Русской Православной Церкви. Как вы оцениваете роль Московского Патриархата за рубежом и что можно назвать последними достижениями?

— Безусловным достижением была встреча Патриарха с Папой Римским. Целый ряд достижений связан с зарубежными поездками Патриарха, потому что каждая поездка является не просто протокольной: всегда есть определенная церковно-политическая значимость. Например, совсем недавно Патриарх посещал Румынию. Это был первый за много десятилетий визит. Последним Патриархом, посещавшим Румынию, был Святейший патриарх Пимен. При Патриархе Алексии такой обмен визитами стал невозможен из-за действий Румынской Церкви на территории Молдавии.

— Расскажите подробнее о планах открытия НКО на Ближнем Востоке. Чем они будут заниматься?

— Пока об «открытии НКО» говорят только блогеры. Никаких конкретных планов не существует, как нет и миллиардеров, выстроившихся в очередь для оказания помощи. Всё это фантазии.

Однако есть понимание того, что с Божией помощью и благодаря слаженным действиям российской армии террористы фактически изгнаны с территории Сирии. При этом страна после нескольких лет войны находится в руинах. Предстоит огромная работа по восстановлению всей инфраструктуры. Часто случалось в истории, что, когда заканчивалась большая война и дело начинало идти к «разделу пирога», подключались те силы, которые до того себя никак не проявляли, а тут вдруг объявляли о готовности поучаствовать в послевоенном восстановлении. А точнее — в послевоенном разделе сфер влияния.

Это не та тема, которая напрямую касается Русской Церкви. Но вопрос, который касается нас напрямую, — это судьба сирийских христиан. Среди миллионов беженцев, которые сегодня присутствуют в разных странах, в том числе почти 2 миллиона в Ливане, есть христиане. Они еще не уехали далеко и не обосновались в Европе или Америке, они хотят и готовы вернуться. Поэтому надо восстанавливать разрушенные храмы, строить для них жилье. Это работа, в которой может принять участие Русская Православная Церковь, поскольку у нас есть прямые контакты с ближневосточными христианами. В частности, с Антиохийской Церковью, Сирийской Ортодоксальной Церковью. Мы уже отмечали ситуации, когда направлялась в Сирию гуманитарная помощь, где-то и кем-то она там распределялась, а местные христиане оказывались в стороне. Мы бы не хотели, чтобы при послевоенном восстановлении Сирии местные христиане были забыты.

Пока рано говорить о какой-то конкретике, еще нет никаких НКО. Но есть понимание: если мы хотим восстановить Сирию, хотим, чтобы туда вернулись христиане, надо активно этому способствовать.

— Если говорить о восстановлении церквей в Сирии, то Русская Православная Церковь уже оценивала масштаб бедствия?

— У нас есть совместный проект с Католической Церковью, который направлен на создание полного списка христианских храмов, которые разрушены или повреждены. Думаю, что это может быть одной из стартовых площадок, с которых начнется процесс их восстановления.

Но наша забота — не только о христианах. Мы хотим, чтобы в свои родные места могли вернуться все жители Сирии. А это значит, что помощь должна носить межрелигиозный характер. Вот почему по нашей инициативе под эгидой Совета при президенте по взаимодействию с религиозными объединениями была сформирована специальная межрелигиозная рабочая группа по оказанию гуманитарной помощи Сирии. Деньги собираем всем миром, со всех конфессий, и помощь тоже оказывается всем сирийцам — вне зависимости от их религиозной принадлежности.

— Вы говорили о том, что на рассмотрении в Верховной Раде Украины находятся законопроекты, направленные на дискриминацию Украинской Православной Церкви. В чем заключается их дискриминационный характер и предпринимала ли Русская Православная Церковь попытки переговоров на эту тему с украинской стороной?

— В настоящее время есть два таких законопроекта, и вероятность их принятия очень высока. Один из них вводит в законодательство Украины понятие религиозной самоидентификации. Любой человек, претендующий на членство в той или иной общине, может себя заявить членом

этой общины. А потом совместно с другими членами принять решение, допустим, о передаче имущества этой общины другой религиозной конфессии.

На практике это означает, что в какое-нибудь село, в сельский храм, могут нагрянуть люди, которые скажут: «Мы члены этой общины и хотим, чтобы наш храм был передан другой конфессиональной структуре». Не будет никаких механизмов, которые смогут этому воспрепятствовать. Ни на Украине, ни в России нет традиции регистрировать членов общины. Мы можем знать прихожан в лицо, но у нас нет списков, членских взносов. Любой человек может прийти и сказать: «Я член общины». Любая группа может появиться и сказать: «Мы община этого храма и хотим, чтобы он был передан в другую юрисдикцию».

Всё это, к сожалению, уже осуществляется на практике, потому что уже совершено более 40 рейдерских захватов православных храмов. До настоящего времени закон был не на стороне захватчиков, а на стороне реальных общин, которые в таких случаях выигрывали судебные процессы. При принятии нового закона ситуация изменится.

Второй законопроект предполагает принудительное переименование Украинской Православной Церкви. Согласно законопроекту, религиозная организация, имеющая административный центр в стране, признанной Верховной Радой агрессором, должна указывать наименование этой страны в своем уставном названии. На практике это означает, что, если закон будет принят, от канонической Украинской Православной Церкви, объединяющей большинство православных верующих Украины, потребуют, чтобы она переименовалась. Например, в Российскую Православную Церковь на Украине. То есть она должна будет существовать на правах иностранного агента в своей собственной стране. И это при том, что верующие Украинской Православной Церкви — патриоты Украины, люди, которые себя отождествляют со своей страной, а не с Российской Федерацией. Более того, административный центр Украинской Православной Церкви находится в Киеве, а не в Москве. Это самоуправляемая Церковь.

Оба законопроекта имеют ярко выраженный дискриминационный характер, и их принятие может привести к тяжелым последствиям.

Мы поставили в известность о том, что происходит, всё международное сообщество. Мне известно, что представители Украинской Православной Церкви ведут переговоры с рядом депутатов. Но, если судить по другим законам, которые принимаются сегодня на Украине, например, по закону о языке, согласно которому русский язык в школе фактически оказался под запретом, можно предполагать, что и эти два законопроекта найдут поддержку. На мой взгляд, будет огромной ошибкой, если они будут приняты.

— У вас консерваторское образование. Вы слушаете что-то, помимо классической и духовной музыки?

— Кроме классической музыки я очень редко что-нибудь слушаю, потому что перегружен текущими делами. Есть образцы рок-музыки, которые мне знакомы, например рок-опера «Иисус Христос – суперзвезда». Не скрываю своего положительного отношения к ней. Она, конечно, не является попыткой создания канонического образа Иисуса Христа — это очень авторское прочтение истории земной жизни Христа и автором текста, и композитором. Но мне известны случаи, когда с этой рок-оперы начиналось знакомство людей с историей земной жизни Иисуса Христа, а со временем это знакомство приводило их в Церковь.

— Вы ведь и сами пишете музыку. Будет ли как-то отмечен юбилей премьеры ваших «Рождественской оратории» и «Страстей по Матфею»?

— Оба этих произведения были написаны в 2006 году, а их премьера состоялась в 2007-м. «Страсти по Матфею» созданы для хора, оркестра и ансамбля солистов. Произведение построено по принципу, по которому построено богослужение в Православной Церкви, совершаемое в канун Великой пятницы, когда читаются евангельские отрывки и они перемежаются с песнопениями для хора. Только, помимо хора, я использовал еще и струнный оркестр. Это попытка перенести дух и строй православного богослужения на концертную сцену.

«Рождественская оратория» посвящена рождению Спасителя и событиям, которые охватывают три церковных праздника: Благовещение, Рождество и Сретение. Здесь тоже все построено на чередовании евангельских отрывков с музыкой. Но здесь я использовал два хора: смешанный и детский, и полный симфонический оркестр.

15 января «Рождественская оратория» пройдет в «Крокус Сити Холле». Дети будут основными участниками исполнения этого произведения: они будут петь, танцевать, а главное — читать евангельские отрывки. Исполнение будет сопровождаться красочным видеорядом. Я хочу пригласить на этот концерт детей из социальных учреждений, из детских домов, из малообеспеченных семей. Чтобы получился большой детский праздник.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/47983/